

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164888-899>

Полчаева Фатимат Абдулнетифовна
младший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный научный центр РАН, Махачкала, Россия
polchaeva94@mail.ru

Касымов Джавид Ахмедоглу
к.и.н., доцент
Университет "Юзюнчу Йыл," Ван, Турция
cavidahmedoglu@gmail.com

ОБРАЗ ПЕТРА I В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

Аннотация: Персидский поход Петра I был и остается предметом многочисленных исследований, также как и его влияние на российско-дагестанские отношения, социально-экономическое и культурное развитие региона. Однако остается не исследованным вопрос о месте российского императора в исторической памяти населения Дагестана, на что в немалой степени повлиял Персидский поход.

В данной статье, основываясь на косвенных материалах письменных свидетельств, опираясь на принципы историзма и учитывая региональные особенности, авторы пытаются воссоздать образ российского императора. Рассмотрев события похода в их хронологической последовательности и применив общенаучные методы анализа, абстрагирования и индуктивного подхода авторы выделяют иллюстрирующие личность императора события и действия.

При определении места Петра I в исторической памяти населения Дагестана используется концепция французского социолога М. Хальбвакса о «мнемонических местах». В ходе чего был выделен ряд таких «мест памяти» на территории Дагестана, связанных с Петром I. Также авторами рассмотрены некоторые акты коммеморации, направленные на сохранение мнемонических мест и развитие исторической памяти населения.

Ключевые слова: Петр I; Дагестан; Каспийский поход; Персидский поход; историческая память; мнемоническое место; коммеморация; Дербент.

© Полчаева Ф.А., Касымов Д.А., 2020

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2020

 Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH164888-899>

Fatimat A. Polchaeva,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
polchaeva94@mail.ru

Javid A. Kasymov,
PhD (History), Assistant Professor
Van Yüzüncü Yıl University, Turkey
cavidahmedoglu@gmail.com

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN THE HISTORICAL MEMORY OF THE DAGESTAN POPULATION

Abstract. The Persian campaign of Peter I has been the subject of numerous studies, as well as his influence on Russia-Dagestan relations, social-economic and cultural development of the region. However, the question of the place of the Russian emperor in the historical memory of the population of Dagestan, which was largely influenced by the Persian campaign, remains unexplored.

The present paper, basing on indirect material of written evidence and principles of historicism, taking into account regional features, attempts to recreate the image of Peter the Great. Having examined the events of the campaign in chronological order and applying common scientific methods of analysis, abstraction and inductive approach, the authors identified events and actions that are descriptive of the emperor's personality.

Determining the place of Peter I in the historical memory of the people of Dagestan, a concept of the French sociologist M. Halbwachs on "mnemonic sites" is used. In the course of the study, a number of such "sites of memory" were revealed on the territory of Dagestan associated with Peter I. The authors also consider some acts of commemoration, directed on preserving mnemonic places and the development of historical memory of the population.

Keywords: Peter I; Dagestan; Caspian campaign; Persian campaign; mnemonic place; commemoration; Derbent.

Одной из самых популярных фигур российской истории, без сомнения, является первый российский император Петр I. Этому есть множество причин: активная внешняя политика, внутренняя политика, приведшая к глубочайшим переменам во всех сферах жизни общества, длительность правления, а также неординарная личность царя и неоднозначное отношение к его деятельности, как среди современников, так и в настоящее время.

Деятельность такого человека как Петр I не могла не вызывать большой резонанс в обществе, а сама личность обростала различными историями (порой легендарными), дошедшими до нашего времени. Петру Великому и «петровской» эпохе посвящено большое количество сочинений самого разного характера, в том числе исследований личности императора. В контексте данной работы нас интересует образ Петра I, сохранившийся в исторической памяти населения Дагестана. Значение Персидского похода подчеркнуто в историографии не раз, о нем написаны отдельные исследования, но в них нет места вопросу о восприятии личности российского императора местными правителями и жителями, а также месту Петра I в исторической памяти населения Дагестана в наше время.

В рамках этой проблемы мы ставим задачу воссоздания образа Петра I, сформировавшегося в исторической памяти дагестанских народов. Это дополнит имеющиеся о Петре Великом исследования и поможет составить целостную картину его деятельности в регионе. Как писал М.И. Семевский: «Эта мелочь, эта забытая историками толпа – основание картины, ведь без нее она мертва, она не имеет смысла» [1, с. 4]. Эта «толпа», меняющаяся с поколениями, формирует коллективную историческую память, в которой отражается как исторический опыт этого народа, так и восприятие этого опыта. Но если история – это систематизированная по периодам строгая совокупность значимых событий и их причинно-следственных связей, то историческая память – это «непрерывный ход мыслей... в нем нет ничего искусственного, поскольку из прошлого такая память сохраняет лишь то, что еще живет и способно жить в сознании той группы, которая ее поддерживает» [2, с. 22].

В исторической памяти населения Дагестана образ Петра крепко связан с историей региона. Этому способствует политика коммеморации, направленная на сохранение традиций и формирование исторических представлений. Немалая роль в этом принадлежит мнемоническим местам, связанным с Петром Великим. Концепция «мнемонических мест» была предложена французским социологом М. Хальбваксом в первой половине XX в. Она основана на исследовании роли памятных мест в формировании исторической памяти. Объясняется это тем, что коллективное сознание создает лишь обрывочные образы событий и личностей, не обладающие целостным значением, пока не будут спроецированы в конкретные обстоятельства. А обстоятельства эти даются мнемоническими местами. Таким образом, воспоминание есть процесс воображаемой реконструкции, в рамках которого мы интегрируем специфические образы, созданные в настоящем, в особый контекст, отождествляемый с

прошлым [3, с. 200]. Мнемоническим местом может быть как географическая точка, так и здание, предмет, событие, личность и т.д.

Образ монарха конструируется также на основе собственно его деятельности, мнения о нем современников, дошедшего до нас устного фольклора и др.

Методологическая разработка вопроса о формировании образа исторической личности невозможна без соблюдения принципа историзма. При воссоздании образа исторической личности нужно учитывать время его жизни: мировоззрение современного человека в корне отличается от духовного наполнения людей, живших в XVIII в.

В контексте российской истории наша задача усложняется значительными наслоениями, обусловленными полиэтничностью, поликонфессиональностью государства и его большой географической протяженностью. В XVIII в. эти факторы играли во многом определяющую роль в социальном восприятии людей.

Историческое исследование невозможно без использования историографии вопроса. Но в силу ее отсутствия по данной проблеме мы используем работы, посвященные личности императора, а также работы о Персидском походе Петра I.

О личности Петра Великого писали такие корифеи исторической науки как В.О. Ключевский [4], Н.М. Карамзин [5] и С.Ф. Платонов [6]. О двойственном восприятии образа императора сведения мы находим у А.А. Кизеветтера [7], отдельный интерес вызывают работы, посвященные исследованию анекдотов, сложившихся о царе [8; 9]. Достаточно показательным является тот факт, что во многих анекдотах, собранных Е.К. Никаноровой, главной темой выступают вспыльчивость и гнев императора. Например, случайно провинившийся мальчик-слуга, «убегая от императора двое суток сряду, добежал до Ладожского озера, а оттуда ушел в Вологду, где сказался сиротой и скрывал свое имя десять лет» [9, с. 222], или рассказ о получившем от Петра I дубинкой по голове генерал-полицмейстере Петербурга графе А. Девиере [9, с. 228].

Об актуализации проблемы формирования образа императора свидетельствует то, что темой ежегодного Международного петровского конгресса в 2019 г. стал «Образ Петра Великого в мировой культуре», по итогам которого был выпущен сборник статей. Отметим в нем статью П.А. Авакова «Петровский миф в Ростове-на-Дону: от конструирования к мемориализации» [10, с. 518–548], в которой автор рассматривает образ Петра I с региональными особенностями его формирования.

Большой интерес для нас представляют работы о Персидском походе Петра I и связанных с ним событиях: «Петр Великий на Каспийском море» [11], «Поход Петра Великого в Персию» [12], «Персидский поход Петра I: 1722–1723 гг.» [13], «Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века» [14], «Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722 – 1735 гг.)» [15].

Отметим также статью Ш.А. Магарамова [16, с. 56–61], в которой рассматривается обстановка в дагестанских владениях и настроения их владельцев

накануне похода императора. Не менее важна статья Ф.Н. Оруджева, в которой исследуется влияние Каспийского похода на формирование пророссийской ориентации политической элиты дагестанских владений [17, с. 112–115].

Перейдем к самому походу Петра Великого, послужившему отправной точкой налаживания тесных контактов между Российской империей и дагестанскими владениями.

Формальной целью похода российского императора на Кавказ стало усмирение местного населения, которое под руководством «лезгинского владельца» Дауд-бека и казикумухского владетеля Сурхая совершило нападение на Шемаху и российских купцов там находившихся. Настоящей же целью было установление торгового пути из Индии, Центральной Азии и Персии через Грузию в Россию. К этому событию готовились не один год: за несколько лет до похода Петром была отправлена экспедиция морских офицеров для исследования побережья от Волги до устья Куры, в ходе которого была составлена подробная карта береговой линии с отмеченными на ней пристанями. Руководство восточными делами на этом направлении было поручено астраханскому губернатору А. П. Волынскому, регулярно отчитывавшемуся о положении дел. Много информации о нравах местного населения и обстановке в регионе было получено из «Журнала путешествия через Дагестан» А.И. Лопухина, написанного в 1718 г. [18].

Интерес был не односторонним, дагестанские владетели также присматривались к Российской империи, традиционно лавируя между шахским и российским двором в своих интересах.

Что касается обстановки в Дагестане накануне похода, то содержание сохранившихся письменных свидетельств довольно однозначно и сводится к тому, что население дагестанских владений вместе с их правителями были бы рады российскому присутствию и даже принятию в подданство. Историк Н.А. Сотавов писал, что большая часть дагестанских владетелей находилась под покровительством и изъявляла желание оказать содействие императору Петру I [19, с. 38].

Для таких выводов были причины. Так, посетивший Северо-Восточный Кавказ в первой четверти XVIII в. польский миссионер И.Т. Крусинский писал: «Население, живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится, как о том, чтобы московиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии» [20, с. 202].

Сохранились многочисленные письменные свидетельства обращений дагестанских владетелей к российскому двору, опубликованные в сборниках русско-дагестанских отношений [21, 22]. Еще в 1717 г. тарковский шамхал Адиль-Гирей Будаиханов отправил к Петру I своего посла с письмом следующего содержания: «...многие люди через ваши щедроты нужды свои управляли и в радостях бывали..., прежде всего отцы и прародители наши служили вам в верности и во всяких службах ваших вседушно радели, будучи в службе», «ныне – писал он, – все в краях наших пребывающие кумыки, и кайтаки, и казикумуки, и их сильные князья, и начальники и старшины здесь суть согласившись

вашу службу приняв поддались... При всем вашему великому указу всеподслушными остаемся» [21, с. 225-226]. В то же время соперничавший с шамхалом за власть его брат Муртазали Буйнакский оставил своего сына аманатом в Терках [23, с. 6].

Северокумыкские (Эндиреевские) владетели Муртазали, Кебек и Айдемир в 1721 г. также писали российскому царю о своем желании быть в повиновении, но при этом, будучи соседями кабардинцев (царских подданных), враждовали с ними. Кайтагский уцмий Ахмед-хан, также писавший царю о своем желании войти в российское подданство, все же не смог остановить находившегося под его влиянием утамышского правителя Султан Махмуда от нападения на российское посольство под руководством А. Лопухина [18, с. 49-51].

Несмотря на многочисленные причины для налаживания отношений с российской администрацией (обеспечение поддержки в борьбе с внутренними врагами, сепаратистскими выступлениями претендентов на престол и т.п.), российский император не воспринимался местными правителями как некий «Deus ex machina» (Бог из машины), неожиданно решающий все проблемы. Далекое не все были рады российскому присутствию. Это очевидно даже несмотря на отправлявшиеся царю письма: большинство из них были вынужденной мерой для местных правителей в их стараниях сохранить независимость. Преобладал рациональный взгляд на намечавшийся поход. А потому письма, написанные Петру I с просьбой принятия в подданство и с заверениями о верности, были не более, чем дипломатической мерой в попытке избавиться от «произвола коррумпированной шахской администрации» [24, с. 45], о чем знал и сам российский правитель. Примером этому могут служить отношения с персидским двором. Так, кайтагский уцмий Ахмед-хан, получавший от шаха жалованье и подарки, воинскую службу не нес, а его подданные объясняли это так: «Усми даром никому служить не должен... шаха мы не боимся» [25, с. 126-127].

Летом 1722 г. начался поход русской армии и флота во главе с Петром I на территорию юго-восточного Закавказья и Дагестана, впоследствии получивший название Персидского (а также Каспийского).

Первым мероприятием, произведенным на берегу, стало наказание Эндиреевского владетеля, «не изъявившего покорности»: его резиденция была сожжена [26, с. 105]. Аксаевский, костековский и тарковский владетели выразили России верность. Таким образом, начало похода красноречиво указывало на последствия для местных владений в случае их неповиновения.

6 августа вблизи Аксая Петр I был встречен Тарковским шамхалом Адиль-Гиреем, передавшим ему множество подарков и в очередной раз объявившим о своей верности Российскому императору. 12 августа к резиденции Тарковского шамхала подошла уже вся армия. На следующий день император был приглашен в дом шамхала.

Посещение дома Адиль-Гирея императором описано в «Походном журнале 1722 г.» [27] и у Г.С. Федорова [28, с. 84.]. Петр I посетил шамхала в сопровождении своих министров и генералов. Их провели по двору и комнатам

шамхальского дома. В комнате жен шамхала император поинтересовался, откуда привезена ценная посуда, которой в помещении было очень много. На что получил ответ, что посуда была сделана в персидском городе Мешхеде. После обхода император присел по восточному обычаю на подушки, разложенные прямо на коврах. Это вполне соотносится с описанием Петра Алексеевича как правителя, не терпевшего церемониал и излишнюю строгость, непосредственного в общении [5, с. 30]. Здесь же его познакомили с женами шамхала и угостили вином и фруктами. По окончании встречи Адиль-Гирей подарил Петру I серого аргамака с золотым конским убором [27, с. 112–113].

В этом походе, как и во многих других, Петра I сопровождала его супруга Екатерина Алексеевна. Благодаря ее присутствию оказалось возможным посещение ее на следующий день женами шамхала. Они были приняты в шатре императрицы, в котором кроме нее присутствовали также «четыре человека пажей, два гайдука и прочие придворные в нарядном платье», а на входе были стояли несколько гренадеров гвардии с ружьем [27, с. 114]. Такая публика в шатре оказалась не случайно: они были приглашены самой императрицей для удовлетворения их любопытства¹ [29]. Гости пробыли в шатре недолго, но вероятно эта встреча произвела большое впечатление на обе стороны, поскольку столкнула людей из совершенно разных миров. Предполагаем, что для жен шамхала она была более значима, как для женщин большую часть времени замкнутых в своей среде и в отличие от российской императрицы не выезжавших за пределы родного края, следовательно, не знавших о многообразии жизни за пределами дагестанских земель.

Об однообразной жизни жен шамхала и значении для них общения с другими людьми можно судить также по рассказу И.Н. Березина о встрече с одной из них. Во время личной встречи с «шамхальшей» И.Н. Березин отметил ее апатичность и угрюмость, признаки раннего старения и увядающего здоровья всего лишь в 30 лет. Сам он объяснил это тем фактом, что в жизни ее не было радости: шамхал нашел более молодую жену, а она была оставлена с двумя малолетними детьми и очень ограниченным содержанием в бедно обставленном для шамхальской жены доме. Сама она рассказала, что ей было веселей, когда поблизости жила ее единственная подруга – жена коменданта Низового корпуса, с которой они много говорили и гуляли.

Знакомство с императорской четой христианской веры с присущей им европейской манерой поведения и общения, открытых всему новому, оказало впечатление не только на шамхала Тарковского, но и на его окружение, повлияло на формировавшееся представление о российской власти.

16 августа армия под предводительством Петра I отправляется в Дербент, куда за день до этого прибыла транспортная флотилия (21 судно) с артиллерией и провиантом под командованием капитана Вердена. В письме к Петру I он сообщал, что «из города комендант или наиб прислал собственного челове-

¹ Последний Персидский поход Петра I // Биофайл: научно-информационный журнал. URL: <http://www.biofile.ru>

ка своего...с поздравлениями о счастливом прибытии... и сказывал словесно от наиба, что они очень рады видеть очи в.и.в. и в поклонении городам своим под вашу императорскую державу» [29, с. 69–70].

Как написано во многих документах, дербентские жители оказали теплый прием, о чем писал сам Петр I Сенату: «Наиб сего города и ключ поднес от ворот. Правда, что эти люди не лицемерно, любовью приняли и так нам рады, как бы своих из осады выручили» [22, с. 39]. Передача ключей от города является одним из коммеморативных мнемонических событий: стереотипная постановка на праздничных мероприятиях в школьных постановках и официальных мероприятиях республиканского масштаба стала традиционной.

После получения ключей армия Петра вступила в город: «строим с распущенными знаменами и музыкою...», а сам император возглавлял это шествие, «ехал на лошади яко полковник, с обнаженной шпагою» [27, с. 122–123], следом шла гвардия, позади в каретах ехала Екатерина и гофдамы, замыкали процессию пехотные полки. Наиб города Имам-кули-бек поднес императору серебряные ключи от города. За проявленное приятие наиб города Имам-кули-бек был утвержден в своей должности правителя, а также получил чин генерал-майора с постоянным годовым жалованием.

На въезде императорскую процессию ждал торжественный прием с салютами и залпом из пушек [27, с. 123]. Встреча с российским императором оказала на местное население такое сильное воздействие, что легенды стали складываться с момента его прибытия. Одна из них рассказывает о вступлении Петра Великого в город. В «Истории города Дербента» Е.И. Козубский передает легенду, ходившую среди местного населения. Как рассказывал в 1849 году 80-летний старец, отец которого был свидетелем вступления Петра в Дербент, император после поднесения ему ключей въезжал в город на коне, но едва только его лошадь передними ногами ступила на улицу, как началось сильное землетрясение, и тогда народ, стоявший у ворот в ужасе, пал перед императором ниц. Сам он сказал: «Природа делает мне торжественный прием и колеблет стены города перед моим могуществом». После Петр «милостиво ударил по воротам 3 раза нагайкою, землетрясение прекратилось, и он, призвав к себе всех неимущих, обделил их деньгами» [30, с. 161]. Существование такой легенды и хождение ее среди населения демонстрирует силу впечатления от пребывания российского императора, представшего в данном случае в качестве всемогущего «белого царя», способного едва ли не повелевать силами природы, и милосердно решающего насущные проблемы простых людей «обделяя всех неимущих деньгами».

Впечатление оказало и то, что российский император, пребывая в Дербенте, выкупил из плена 10 человек, для чего в конце августа был издан специальный указ «за христиан грузинского народа, которые были в плене у дербентских жителей, заплати оным жителям деньги из своей казны, а именно за десять человек четыреста сорок три рубли». Прилагалась также расписка с перечислением выкупленных и тех, у кого у него куплены: «имяны те дербентские

жители, прилагаяца при сем роспись и кабинет его величества да изволит приказать о заплате дербентским жителям показанного числа денег за христиан учинить по его императорского величества указу»². Спустя несколько дней были выкуплены еще шесть человек «христиане грузины и армяне, которые ушли из Дербеня от хозяев своих и явились в лагерь сего сентября 2 день»³, на что было выделено двести тридцать рублей.

Также во время пребывания императора в Дербенте к нему обратились офицеры с жалобой на то, что местные жители отказываются продавать им хлеб. Петр решил лично разобраться и отправился в один из дворов, где хозяйка раскладывала свежее испеченные чуреки. Император попросил ее продать им четыре хлеба. Женщина ответила, что не может продать его без разрешения мужа. Сказав, что запаса муки у них недостаточно для собственного семейства, она разделила один чурек на четыре части и подала по куску каждому, отказавшись от оплаты. И в этом случае император проявил щедрость, наградив ее мужа и повелев выдать каждому бедному семейству по две четверти муки и двадцать аршин холста [31, с. 291].

Находясь в Дербенте, император жил в построенной по его приказу крохотной землянке, руины которой стали мнемоническим местом. Вокруг руин еще в XIX в. был построен павильон с колоннами и памятной надписью. После революции объект был забыт, но к 2000-летию города он был реконструирован, расширен и превращен в музей. Откопанный фундамент землянки защищен специальной витриной, которая позволяет рассмотреть его со всех сторон. Деятельность по сохранению мнемонических мест носит название коммеморации и призвана защитить традицию и историческую память. Летний домик Петра Великого является частой точкой туристического маршрута по Дербенту, а его посещение обязательно для местных школьников в педагогических целях, поскольку «пробуждает» воспоминания и укрепляет стереотипы сознания.

Отправившаяся дальше армия Петра I столкнулась с утамышским владельцем Махмудом, получившим в этом столкновении поддержку от кайтагского уцмий. Эти действия можно объяснить опытом дагестанских государственных образований, для которых вмешательство иностранных правителей никогда не приносило мира. Кровопролитное столкновение утамышцев с российскими войсками закончилось поражением сил султана Махмуда Утамышского, отстранением его от власти и разрушением Утамышя. Через несколько дней после разрушения Утамышя кайтагский уцмий Ахмед-хан отправил Петру I письмо, в котором изъявил желание быть принятым на царскую службу⁴, что не помешало ему в последующем вести обратную деятельность.

2 1722 г., августа 30. – Сведения о выкупленных Петром Великим у Дербентского жителей грузинах. // РГАДА Ф. 396. Оп. 2 Ч. Д. 1102. Л. 324-325.

3 1722 г., сентября 5 – Сведения о выкупленных в Дербенте армянах и грузинах // РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1102. Л. 340-341.

4 Просительная грамота Ахмед-хана кайтагского Петру I о принятии его в подданство России // РФ ИИАЭ ДФИЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60. С. 122.

Как нам известно, поход Петра I закончился значительно раньше, чем планировалось, и назад он отправился тем же путем, по дороге приказав заложить крепость Святой Крест. В конце сентября российский император отплыл в Астрахань, тем самым завершив Персидский поход.

Поход императора, вошедший в историю как Персидский, сыграл большую роль не только в отношениях Российской империи с Персией и Османской империей, он оказал значительное влияние на дальнейшие контакты и развитие отношений с дагестанскими государственными образованиями, а также оставил значительный след в памяти местного населения.

В.О. Ключевский писал, что: «Петр Великий по своему духовному складу был одним из тех простых людей, на которых достаточно взглянуть, чтобы понять их» [4, с. 42]. Вместе с тем в российской истории мало столь же неоднозначных личностей.

Сложность личности императора проявилась и в формировании образа императора на Кавказе. Образ этот неоднозначный, но, очевидно, яркий и многогранный. Об этом говорят мнемонические места, среди которых отметим встречу для передачи ключей от города императору, прорубание им окна в стене ханского дворца в цитадели, получившего название «окна на Восток», летний домик Петра. Отметим пребывание императора на том месте, где позже возник город Петровск. Само название города является актом коммеморации, сформировавшим местный «петровский миф» об образовании города Петром Великим. В современной Махачкале в честь императора названа улица, а в 2006 г. в порту был установлен памятник, что вызвало в прессе негативный отклик. Связано это с тем, что в исторической памяти населения Дагестана император оценивается с диаметрально противоположных точек зрения. С одной стороны, Петр I – это захватчик, сжигавший населенные пункты (в Утамышском владении, в Эндирее), разорявший селения (в Нижнем Кайтаге) и жестоко расправлявшийся с их населением. С другой стороны – это великий государственный деятель, оказавший влияние на развитие российского государства на долгие десятилетия вперед, сыгравший позитивную роль в развитии русско-дагестанских отношений. И, несмотря на эту диаметральность, образ Петра I в исторической памяти народов Дагестана сформировался в основе своей положительный.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42023 «Пётр Великий в исторической судьбе Кавказско-Каспийского региона». Рук.- Ш.А. Магарамов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Семевский М.И.* Слово и дело! 1700-1725. СПб.: Изд. Редакции журнала «Русская старина»; Тип В. С. Балашева, 1885. 338 с.
2. *Хальбвакс М.* Коллективная историческая память // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2–3.
3. *Хаттон П.* История как искусство памяти / П. Хаттон. СПб., 2003.
4. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М.: Эксмо, 2008. С. 42
5. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991. – 125
6. *Платонов С.Ф.* Взгляды науки и русского общества на Петра Великого // *Лекции по русской истории*. М.: Высшая школа, 1993. 736 с. С. 446–456
7. *Кизеветтер А.А.* Реформа Петра Великого в сознании русского общества // *Русское богатство*. 1896, № 10. С. 20–46
8. *Ригельман А.И.* Анекдоты о Петре Великом // *Москвитянин*. 1842. № 1
9. *Никанорова Е.К.* Исторический анекдот в русской литературе XVIII века: Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 468 с.
10. *Аваков П.А.* Петровский миф в Ростове-на-Дону: от конструирования к мемориализации // *Сборник статей по материалам XII Международного петровского конгресса, прошедшего в Санкт-Петербурге в 2019 году. «Образ Петра Великого в мировой культуре»*. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2020. 740 с. С. 518–548
11. *Соловьев С.М.* Петр Великий на Каспийском море // *Вестник Европы*. СПб., 1868
12. *Мельгунов Г.В.* Поход Петра Великого в Персию // *Русский вестник*. М.1874. No 3.
13. *Лыстов В.П.* Персидский поход Петра I: 1722–1723 гг. М.: Издательство Московского университета, 1951. 248 с.
14. *Касумов Р.М.* Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII века // *дисс. канд. ист. наук*. 1999, 188 с.
15. *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735 гг.). М.: Квадрига, 2010. 384 с.
16. *Магарамов Ш.А.* Российско-дагестанские дипломатические отношения накануне Персидского похода Петра I // *Российская история* №1, 2017. С. 56–61
17. *Оруджев Ф.Н.* Влияние Каспийского похода Петра Великого на пророссийскую ориентацию дагестанской политической элиты // *Исторические, филологические, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2015, №7 (57). Ч. I. С. 112–115
18. *История, география и этнография Дагестана (XVIII–XIX вв.) ИГЭД*. М.: Издательство восточной литературы, 1958. 372с.
19. *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв. М.: Наука, 1991. 221 с.
20. *Ашфарян К.З.* Падение державы Сефевидов // *Очерки по новой истории стран Среднего Востока*. М., 1951. – 248.

REFERENCES

1. Semevsky MI. Word and deed! 1700-1725 [Slovo i delo! 1700-1725]. Saint Petersburg: Russkaya Starina; Balashev typography, 1885.
2. Halbwachs M. Collective historical memory [Kollektivnaya istoricheskaya pamyat'] *Neprekosnovenyi zapas*. 2005;(2-3).
3. Hatton P. History as the art of memory [Istoriya kak iskusstvo pamyati] / P. Hatton. Saint Petersburg, 2003.
4. Klyuchevsky VO. Historical portraits [Istoricheskie portrety]. Moscow: Eksmo, 2008:42.
5. Karamzin NM. A note on ancient and new Russia in its political and civil relations [Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh]. Moscow: Nauka, 1991: 125.
6. Platonov SF. Views of Science and Russian Society on Peter the Great [Vzglyady nauki i russkogo obshchestva na Petra Velikogo] *Lectures on Russian History [Lekcii po russkoj istorii]*. Moscow: Vyshaya shkola, 1993:446-456.
7. Kizevetter AA. Reform of Peter the Great in the minds of Russian society [Reforma Petra Velikogo v soznanii russkogo obshchestva] *Russian riches [Russkoe bogatstvo]*. 1896;(10):20-46.
8. Rigelman AI. Anecdotes about Peter the Great [Anekdoty o Petre Velikom] *Muscovite [Moskvityanin]*. 1842;(1).
9. Nikanorova EK. Historical anecdote in Russian literature of the 18th century: Anecdotes about Peter the Great [Istoricheskij anekdot v russkoj literature XVIII veka: Anekdoty o Petre Velikom]. *Novosibirsk: Siberian Chronograph*, 2001:468.
10. Avakov PA. The Petrovsky myth in Rostov-on-Don: from design to memorialization [Petrovskij mif v Rostove-na-Donu: ot konstruirovaniya k memorializacii] *Collection of articles based on the proceedings of the XII International Petrovsky Congress held in St. Petersburg in 2019. "The Image of Peter the Great in World Culture" [Sbornik statej po materialam XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa, proshedshego v Sankt-Peterburge v 2019 godu. «Obraz Petra Velikogo v mirovoj kul'ture»]*. St. Petersburg: European House, 2020:518-548.
11. Soloviev SM. Peter the Great on the Caspian Sea [Petr Velikij na Kaspijskom more] *Bulletin of Europe [Vestnik Evropy]*. St. Petersburg, 1868.
12. Melgunov GV. Peter the Great's campaign to Persia [Pohod Petra Velikogo v Persiyu] *Russian bulletin*. Moscow, 1874;(3).
13. Lystsov VP. Persian campaign of Peter I: 1722–1723 [Persidskij pohod Petra I: 1722–1723 gg.]. Moscow: Moscow University Publishing House, 1951:248.
14. Kasumov RM. The Caspian campaign of Peter I and Russian-Dagestan relations in the first third of the 18th century [Kaspijskij pohod Petra I i russko-dagestanskije otnosheniya v pervoj treti XVIII veka] // *Diss. thesis of Cand. of hist. sciences*. 1999.
15. Kurukin IV. Persian campaign of Peter the Great: Grassroots corps on the shores of the Caspian Sea (1722-1735) [Persidskij pohod Petra Velikogo: Nizovoj korpus na beregah Kaspiya (1722-1735 gg.)]. Moscow: Quadriga, 2010.
16. Magaramov SA. Russian-Dagestan diplomatic relations on the eve of the Persian campaign of Peter I [Rossijsko-dagestanskije diplomaticheskie otnosheniya nakanune Persidskogo pohoda Petra I] *Russian history [Rossijskaya istoriya]*. 2017;(1):56-61.
17. Orudzhev FN. Influence of the Caspian campaign of Peter the Great on the pro-Russian orientation of the Dagestan political elite [Vliyanie Kaspijskogo pohoda Petra Velikogo na prorossijskuyu orientaciyu dagestanskoj

21. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII вв. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958.
22. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. М.: Наука, 1988. – 355 с.
23. Магарамов Ш.А. Присоединение Дагестана к России: традиционные и новые концепции изучения проблемы // Вестник Института ИАЭ ДФИЦ РАН. 2013, №4. С. 5–9
24. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. 271 с.
25. Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1975. 234 с.
26. Бакиханов А. Гюлистан-и-ирам. Баку: Элм, 1991. – 304 с.
27. Походный журнал 1722 г. СПб., 1855. 197с.
28. Федоров Г.С. Некоторые эпизоды из истории похода Петра I на Кавказ // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 84
29. Боевая летопись русского флота. Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. // Под редакцией Н. В. Новикова. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1948. 492 с.
30. Козубский Е.И. История города Дербент. Темирхан-Шура: Русская типография В. М. Сорокина, 1906. 280с.
31. Гаджиев В.Г. О русском переводе «Дербенд-наме» // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). Вып. 3. Махачкала, 1975. С. 253-256.
- politicheskoy elity] Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice [Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki]. Tambov: Diploma, 2015;7 (57) I:112-115.
18. History, geography and ethnography of Dagestan (XVIII-XIX centuries) IGED [Istoriya, geografiya i etnografiya Dagestana (XVIII-XIX vv.) IGED.]. Moscow: Eastern Literature Publishing House, 1958:372.
19. Sotavov NA. The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish relations in the 18th century [Severnyj Kavkaz v russko-iranskij i russko-tureckij otnosheniyah v XVIII v.]. Moscow: Nauka, 1991:221.
20. Ashfaryan KZ. Fall of the Safavid state [Padenie derzhavy Sefevidov] Essays on the new history of the Middle East [Ocherki po novoj istorii stran Srednego Vostoka]. Moscow, 1951:248.
21. Russian-Dagestan relations in the XVII – first quarter of the XVIII centuries [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVII – pervoj chetverti XVIII vv.]. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1958.
22. Russian-Dagestan relations in the XVIII – early XIX centuries [Russko-dagestanskije otnosheniya v XVIII – nachale XIX vv.]. Moscow: Nauka, 1988:355.
23. Magaramov SA. The accession of Dagestan to Russia: traditional and new concepts of studying the problem [Prisoedinenie Dagestana k Rossii: tradicionnye i novye koncepcii izucheniya problemy] Bulletin of the IHAЕ DFRC RAS. 2013;(4):5-9.
24. Gadzhiev VG. The work of J. Herber “Description of the countries and peoples between Astrakhan and the Kura River” as a historical source on the history of the peoples of the Caucasus [Sochinenie I. G. Gerbera «Opisanie stran i narodov mezhdru Astrahan'yu i rekoyu Kuroj nahodyashchihsya» kak istoricheskij istochnik po istorii narodov Kavkaza]. Moscow, 1979:271.
25. Aliev FM. Anti-Iranian unrest and the struggle against the Turkish occupation in Azerbaijan in the first half of the 18th century [Antiiranskije vystupleniya i bor'ba protiv tureckoj okkpacii v Azerbajdzhanе v pervoj polovine XVIII v.]. Baku, 1975:234.
26. Bakikhanov A. Golestan-e-Eram. Baku: Elm, 1991:304.
27. Travel journal of 1722 [Pohodnyj zhurnal 1722 g.]. St. Petersburg, 1855:197.
28. Fedorov GS. Some episodes from the history of Peter I's campaign to the Caucasus [Nekotorye epizody iz istorii pohoda Petra I na Kavkaz] Russian-Dagestan relations in the 16th – early 20th centuries [Russko-dagestanskije vzaimootnosheniya v XVI – nachale XX v.]. Makhachkala, 1988: 84.
29. Combat chronicle of the Russian fleet. Chronicle of the most important events in the military history of the Russian fleet from the 9th century to 1917 [Boevaya letopis' russkogo flota. Hronika vazhnejshih sobytij voennoj istorii russkogo flota s IX v. po 1917 g.] Edited by NV. Novikov. Moscow: Military Publishing House of the Ministry of the Armed Forces of the USSR, 1948.
30. Kozubsky EI. History of the city of Derbent [Istoriya goroda Derbent]. Temirkhan-Shura: V.M. Sorokin Printing house, 1906.
31. Gadzhiev VG. On the Russian translation of “Derbend-nameh” [O russkom perevode «Derbend-nameh»] Questions of the history of Dagestan (Pre-Soviet period) [Voprosy istorii Dagestana (Dosovetskij period)]. Issue 3. Makhachkala, 1975;(3):253-256.

Статья поступила в редакцию 31.10.2020 г.